

„Пять вечеров“. БДТ им. Горького

„Умилку-умилу-рабину“
Саша Волынец
от „красавицы-звезды“
Зины Шарко.

Сашка! Незабываешь что у тебя 80!
Подумай! Я у меня в этом
году 40! Я помню, что мы
одно, — с тобой все!
А эти, нынешние, кут-ко?
С любимыми не расстаются!
Они всегда с нами!
И Жозе, и Дина, и Гина,
и Юлиа
Твои „Пять вечеров“

„Как хорошо однажды понять, что ты — человек прошлого. Знакомые думают, что они тебя знают, а на самом деле они помнят тебя. Женщины прошлого красивы, деревья густы. Переулки прошлого, дожди прошлого, книжки прошлого. От прошлого можно не зависеть. Каким я его вспомню, таким оно и будет.“

Поразительно, как этот человек сумел столь поэтично, образно и даже романтично выразить печально-элементарную истину — все мы стареем.

Поразительно, что вот уже не один десяток лет все сочиненные им слова, независимо от того, произношу ли их со сцены или другие актеры, читаю ли я их в книге, неизменно волнуют меня своей простотой, глубиной и, казалось бы, неприязнительностью.

И еще поразительно, что осознав, что я тоже человек прошлого, я поняла: единственное из моего прошлого осталось таким же неизменным — это сам Саша Володин.

Он такой же нежный, такой же незащищенный и так же ничтошеньки не понимает про самого себя.

Зинаида ШАРКО

„Диалоги“. Молодежный театр

Александр Моисеевич!
Живите долго
Вы — совесть
нашего
времени!
С любовью
и нежностью
к Вам. Гина
Усатова

С самого начала, с самых первых шагов на сцене у меня к нему такая любовь была! В Молодежном театре я играла Таню в володинских „Диалогах“, и самый дорогой момент был, когда приходил Володин. Он говорил: „Ну, что ты так много плачешь, что ты так за свою Таню переживаешь! Не плачь.“ В этом спектакле все актеры читали стихи — от себя, и уже тогда я поняла, что его стихи — это такое его личное, сокровенное, дорогое сердцу, что никто не может их читать так, как он. Он читает их без ударений, как будто без выражения... Однажды, когда мы играли спектакль, в зале сидел Александр Моисеевич. Мы закончили, зал зааплодировал, мы вызвали его на сцену и кто-то из зала крикнул: „Пусть Володин сам почитает стихи!“ Он читал часа полтора, одно за другим, и была такая тишина, что был слышен свет прожекторов — звук, который никогда не слышен на спектакле. А он читал о фронте, о любви, о женщинах... Его стихи не похожи вообще ни на чьи стихи. И всем, кто их читает и любит, кажется, что это только про него. Я пыталась их читать, и хотя они написаны от лица мужчины, мне кажется, что это так про меня! Любое!

„Я в этом городе прижился. И как ни звали паровозы, Не отрывался, не решился Когда решился — было поздно. О, нерешительность моя! О, неуверенность и комплексы! Проблемы копятя и копятя...“

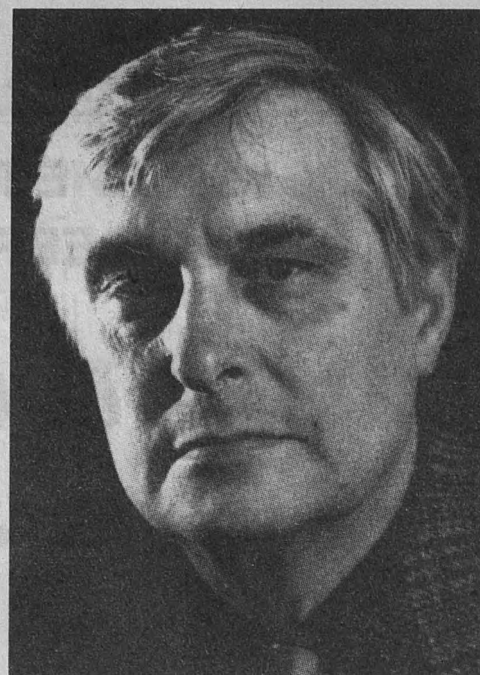
Это и о любви, о нерешительности, это и „Осенний марафон“, и судьба самого Володина...

И только теперь я по-настоящему понимаю его строчки: „А девушки меж тем бегут, пересекая свет и тьму...“ Боже мой, ведь это ложится на каждую женскую судьбу. Его стихи читаешь через год, через три года, через десять лет, а они не стареют. Говорят, он написал сейчас новые стихи, они еще не изданы, я их хочу у него переписать...

И так же его фильмы. Сколько бы их ни смотрел — они берегут душу.

Он настолько нежный, скромный человек, который остался вне планеты, вне времени, вне нашей страны! Живет на своем островке и чувствует так, как чувствует. Как-то была по телевизору его передача с Карауловым. Он отвечал на вопросы в десять раз больше, чем требовалось ответить. Это был не ответ, это был отдельный рассказ — о том, как он ощущает сейчас время. Я его безмерно люблю, и даже это слово сюда не подходит. Хочется его обнять, прижать к себе...

Нина УСАТОВА

Дорогой Саша!
Терпения Вам,
упорства и веры —
и в себя, и в
нас, и вообще —
в жизнь!
Ваш О. Моисеевич

С Володиным я прожил вторую жизнь. Каждый драматург, каждый писатель открывает в тебе то, чего ты раньше не знал. И когдаходишь в его мир, ты проживаешь ту самую жизнь, которая и является настоящей. Наверное, у каждого актера настоящая жизнь — это та, которую он прожил на сцене, все остальное — какой-то суррогат. Володин для меня — один из тех редких людей, которые заставили меня прожить еще одну жизнь, и я очень ему за это благодарен. Я говорю это не только как актер, который сыграл Бузыкина в „Осеннем марафоне“ — очень дорогим для меня фильме — а как читатель и зритель. Потому что когда я смотрел „Пять вечеров“ или „Фабричную девчонку“ или что-то другое, написанное им, я всегда жил с его героями и внутренне восклицал: „Да это же я! (даже если на сцене была женщина), да это же про меня написано! Теперь я понимаю себя!“ Володин позволил мне взглянуть на себя как бы со стороны и в какой-то степени познать самого себя. А значит это произошло с каждым зрителем, который слушает, смотрит, думает, видит...

Володин — это моя юность, моя зрелость, это мои сегодняшние дни. И я убежден: то качество, в котором сейчас проявляет себя писатель Володин, — абсолютно глубоко и точно соответствует нынешнему состоянию жизни, в которой мы все находимся. И я желаю ему от всей души (и себе самому) открыть для себя еще какой-то новый мир (точно так же, как он открыл множество миров для меня), в котором каждый мог бы узнать самого себя, понять и успокоиться.

Олег БАСИЛАШВИЛИ

„Пять вечеров“. БДТ им. Горького

Дорогой мой
Человек,
мой знакомый
родной Чолоб-
это человек твоя.
И все дни с тобой
ты был необходим!
Ты был нужен,
улыбка тебе
и будь весел!
Твой Кирилл

Он как-то незаметно вошел в мою, в нашу жизнь. Он и в театр пришел как-то незаметно. Тихий человек. Сидел тихо в зале. Но — вошел и стал неотъемлемой частью Ленинграда, нашей общей жизни... И как-то незаметно, сорок лет назад, мы перешли на „ты“... Безумно жалко, что он мало пьес написал. Но и Чехов — всего четыре... Володин всегда поражает меня тем, что в нем, тихом и очень застенчивом человеке, — настоящая бойцовская душа. Он никогда не идет на внутренние компромиссы, позволяя и позволяя говорить то, что считает нужным — где бы это ни было: и друзьям своим, и врагам своим. Всегда — собственная, личная позиция. Он может быть и неожиданно резок, мог и матом чиновников покрывать, и дверью хлопнуть. Я был занят только в одном его спектакле — „Пять вечеров“ — но все время ощущение, что он есть всегда.

Кирилл ЛАВРОВ

„Дульсинья Тобосская“. Театр им. Ленсовета

Светлой фан
Сашенька,
с Димой Руде-
нцев!
Огня хогаса,
здравь
Вам всегда,
Вам всегда
Фру-

Про него говорить очень трудно, потому что все, что про него должно быть сказано, — должно быть достойно его. Хороший? Да. Умный? Да. Талантливый? Да. Ну и что? А должно быть сказано что-то, что бы было ясно: он — Володин.

Он всегда был такой, как сейчас. Ну, поседел. Ну, постарел. Но не слишком, нет, не слишком. Чутьочку. В чем же суть того, что он не меняется? Наверное, это все оттого, что в нем много детства. В этом залог долголетия, детством человек продлевает жизнь. В Володине — и мудрость, и застенчивость, и прозрачность мысли, и чистота мысли. Мандельштам когда-то написал замечательные строчки (правда, про Ахматову):

„Есть на тебе печать Господня,
Такая странная печать
Как бы дарованная свыше,
Что, кажется, в церковной нише
Тебе назначено стоять...“

Он какой-то такой удивительный, словно его действительно заслали сюда свыше, а он все время стесняется того, что должен делать что-то необыкновенное и как будто все время говорит: „Извините, меня здесь нет, меня здесь нет...“

Было три творческих встречи. Фильм „Походжения зубного врача“. Тогда мы вообще познакомились: Элем Климов привел его ко мне домой, мы сидели, болтали... О чем — не помню.

Потом — „Дульсинья Тобосская“ в театре Ленсовета, обрутанная критикой за песни, хотя автором главной вступительной песни Луиса был сам Володин, потом еще были стихи Горьковского и не очень много — Радера и Константинова. Спектакль ругали, а Володин шепотом, чтобы не нарушать критическую мысль, говорил: „А мне нравится, а мне нравится“.

Потом была „Киноповесть с одним антрактом“ в БДТ. И множество встреч где-то, когда-то по поводу... И всегда к нему такая нежность, как будто это что-то беззащитное и родное.

Он ушел из театра, потому что его гнобили, а у нас не было мощи его защитить. Кино было более могущественным, оно могло сохранить его — и мы его лишились. Театр осиротел, брошенный Володиным. И до сих пор (со времен Чехова, наверное) среди драматургов нет ни одного с такой плотностью мысли при прозрачности слова...

Алиса ФРЕЙНДЛИХ

„С любимыми не расставайтесь“. Театр им. Ленинского комсомола

Всегда танию
и люблю!
А. Малеванная.

Александру Володину — от актрисы, сыгравшей Надю в „Старшей сестре“ в Красноярске и Катю в „С любимыми не расставайтесь!“ в Ленинградском Ленкоме.

Когда, окончив институт,
Себе работу я искала,
Во глубину сибирских руд
Уже проложен был маршрут:
Ну, что ж, начало так начало.

Театрик наш имел успех,
Был рад принять буквально всех,
Держал открытыми он двери.

И тех, что грелись у костра,
Учила „Старшая сестра“
Любить, надеяться и верить.

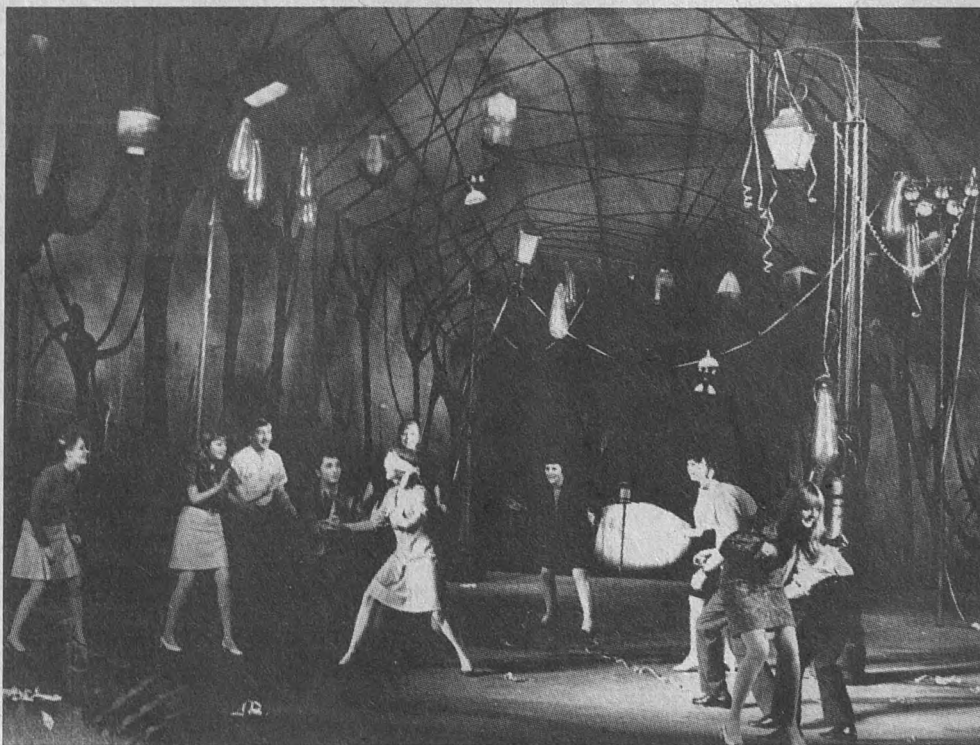
Но как забыть про Ленинград!
Домой вернуться каждый рад.
Зовут родные: возвращайтесь!

Аншлаг в Ленкоме. Плачет зал.
Как прав Володин! Он сказал:
„С любимыми не расставайтесь!“

Лариса МАЛЕВАННАЯ

Андрей ТОЛУБЕЕВ

„С любимыми не расставайтесь!“. Театр им. Ленинского комсомола

„Киноповесть с одним антрактом“. БДТ им. Горького

Ваша пьеса
„Назначенье“
в спектакле
ЛГУ
стала для нас
моим назначением
на сцене
мои восторги!
и верю!
А. Мухомов

Может быть, это странно звучит из моих уст, но Володин — это моя театральная юность. В БДТ я участвовал в спектакле „Киноповесть с одним антрактом“. Но еще в студенческом театре ЛГУ я сыграл бессмертный образ — Муромцева-Куропеева в „Назначении“, когда эта пьеса еще не была поставлена нигде. И Володин приходил к нам, и у меня даже сохранился его автограф на программке. Так что Володин — это „мои университеты“: мостик протянулся на сцену в БДТ, я не расстаюсь с Володиным до сих пор, когда-то плакал на спектакле „Пять вечеров“ в учебном театре на Моховой. Володин, в отличие от многих драматургов, не кичится этим званием, а ощущает себя открытой раной, совестью человеческой. Так я его и воспринимаю. Дороже этого ничего нет, этим он велик, перед этим Володиным я преклоняюсь.

Сашенька, дорогой!
Век уходит, и
теперь уже мы
все были не зря!
Обнимаю тебя
Фреда

Я никогда не говорил с Сашей о Боге и даже не подозреваю, верующий он или нет. Но Володин — один из самых святых людей, которых я знал в жизни. В этом человеке расцвела крупная святости. Он действует по призыву: „Велению Божию, о муза, будь послушна!“ — так Пушкин своей музе говорил. Не знаю, сформулировал ли Володин когда-нибудь это для себя. Думаю — нет, не его стилистика. Но я уверен — его муза и он сам послушны именно Божьему велению. Подтверждением его необыкновенных душевных качеств может служить все его разнообразное творчество и вся его противоречивая жизнь.

Сергей ЮРСКИЙ

„Моя старшая сестра“. БДТ им. Горького

С диалогностью
и прекрасной
любовью
Т. Дорониной

Бывшая „фабричная девчонка“ и „старшая сестра“ благодарит создателя и желает творческого цветения и радостного существования, вопреки всем неудобствам и времени — неблагоприятного для большого таланта.

Сил, веры, здоровья Вам, замечательный Александр Моисеевич. Пусть Ваш дар греет людские сердца. С уважением и преклонением

Татьяна ДОРОНИНА